

публики скорее этнополитические организмы, если не принимать в расчет (но принимать надо!) многонациональный состав их населения. В случае закрепления этнических прав за этими «абстрактными» ЭСО, полагает С. В. Чешко, придется лишить соответствующих прав 60 млн. советских людей, живущих за пределами своих национально-административных образований плюс еще миллионы представителей коренных этнических меньшинств союзных республик. Ни о каком равноправии народов, подчеркнул докладчик, в таком случае не придется говорить.

С точки зрения С. В. Чешко, придание всем существующим и возможным национально-территориальным образованиям одинакового статуса союзной республики тоже не исправит положения. К тому, что было сказано в докладе, С. В. Чешко добавил, что на практике ни одна союзная республика не допустит образования на своей территории еще каких-то равноправных союзных республик: события в Закавказье вполне убеждают в этом. Впрочем, как ему представляется, сам С. А. Арутюнов не рассматривает принцип равных статусов как абсолютный и допускает сохранение автономий, полагая, что безусловное равенство прав народов (больших и малых) невозможно. Но тогда, полагает докладчик, и вся концепция С. А. Арутюнова теряет устойчивость. Надо только пояснить, сказал С. В. Чешко, что речь в данном случае идет о равноправии, а не о равенстве, которого действительно не может быть. Общий принцип равноправия народов, считает он, допускает только одно исключение — предоставление особого статуса аборигенным народам Сибири и Крайнего Севера, на которых распространяются специальные международные конвенции.

Далее С. В. Чешко высказал мнение, что стремиться сегодня сохранить целостность СССР в его нынешних границах любыми способами было бы неверно. Такая задача, подчеркнул он, стояла в 1922 г., когда требовалось обеспечить единство в условиях неблагоприятной международной обстановки, требовавшей совместных усилий для построения нового общества. Государственное устройство СССР было подчинено этой цели, указал С. В. Чешко, а не задаче создания некоей модели идеального государства. Сегодня же, отметил он, иные условия и иные задачи. Имея в виду радикальное преобразование общества на демократических началах, с эффективной экономикой, более опасно, по его мнению, иллюзорное единство полноты суверенитета республик, чем выход некоторых из них из состава СССР. Однако, с точки зрения докладчика, к вопросу о «деколонизации» СССР, созданного в границах бывшей Российской империи, это не имеет прямого отношения: надо исходить из современных реалий, а не из прошлого страны. С. В. Чешко заметил, что оценка этого прошлого учеными неоднозначна. На его взгляд, нет оснований отрицать тот факт, что политика царизма, по крайней мере в отдельных регионах страны, носила колониалистский характер и проводилась в том числе насильственными средствами. Но нельзя отрицать и того, что включение в состав России одним народам принесло ослабление гнета местных феодальных властителей, а других спасло от истребления или насильственной ассимиляции. Однако, по мнению С. В. Чешко, более важен другой вопрос: а была ли Россия только колониальной империей? Или можно еще говорить о российской (а не сугубо русской) культуре, о российской духовной общности, о российской истории и государственности, наконец, о российском народе, сложившемся или хотя бы складывавшемся еще до возникновения формулы «советский народ»? В заключение докладчик поставил вопрос: много ли в мире многонациональных государств, возникших в свое время вообще без насилия? И можно ли безапелляционно уподоблять положение Кавказа или Прибалтики в дореволюционной России положению заморских колоний Британии или Франции? Прежде чем говорить об СССР как о наследнике колониальной империи, подчеркнул С. В. Чешко, хорошо бы как следует изучить и осмыслить историю.

Оживленная дискуссия, развернувшаяся по докладу, вызвала большой интерес присутствующих. Было высказано предложение, чтобы материалы семинара нашли отражение на страницах журнала «Советская этнография».

Е. Э. Носенко, М. Б. Фейгина

© 1990 г.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР
«ЭТНОС В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ФОРМ»**

21 декабря 1989 г. в Москве в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР состоялся очередной методологический семинар по теме «Этнос в системе общественных форм». В центре внимания участников семинара была статья сотрудника Института А. И. Кузнецова «О соотношении понятий „общество“ и „этническая общность“», опубликованная в журнале «Советская этнография» (1989. № 4).

Во вступительном слове А. И. Кузнецов изложил основные положения обсуждаемой статьи. Если мы окинем мысленным взором нашу планету, сказал он, то увидим, что населяющие ее люди различаются внешним обликом, и объединим их вслед за антропологами по меньшей мере в три расы. Кроме того, мы увидим, что люди носят неодинаковую одежду, живут в различных жилищах, говорят на разных языках, совершают неодинаковые обряды и называют себя определенным именем, тем самым объединяя себя с одними и отделяя от других людей. Мы можем назвать

такие объединения *этническими общностями*. Мы увидим далее, что человечество разделено границами и одна и та же этническая общность может находиться по обе стороны границы, разделяющей общности людей, которые историки называют государствами, социальными организациями, обществами. Мы увидим также, что человек, живущий в *конкретном историческом обществе* (КИО), представляет собой единство биологических и социальных свойств, которые, как и любые другие свойства, могут проявляться лишь в отношениях между объектами, т. е. в различных ситуациях. *Этническая принадлежность* человека — это лишь одно из его *свойств*. Общность людей одной этнической принадлежности — это и есть этническая общность. В то же время другие свойства людей, имеющих одинаковую этническую принадлежность, объединяют их в конфессиональные, классовые, партийные и другие общности. Проявляя те или иные свойства, человек выступает как член той, другой общности, которые в совокупности и составляют данное конкретное общество. Это общество обладает признаками, характеризующими его как целое, в отличие от признаков, присущих общностям, его составляющим. Признаки конфессиональной, классовой и других, в том числе и этнической общности, отличны друг от друга и от признаков общества в целом.

Неосознанное отнесение признаков конкретно-исторического общества (общность территории, экономики и др.) к признакам этнической общности и лежит в основе выделения таких понятий, как «народность» и «нация», которые по существу отражают лишь стадии в социально-экономическом развитии того или иного общества (феодализм, капитализм, социализм). По мнению докладчика, из родового понятия «этническая общность» могут быть выделены только два вида: «племя» в доклассовом и «народ» («этнос») в классовом обществе.

Далее А. И. Кузнецов ответил на заданные ему вопросы. Затем выступали сотрудники Института этнографии (их отклики на статью приведены ниже). Разгорелась бурная дискуссия, в ходе которой участники семинара, выражая порой противоположные точки зрения по конкретным вопросам, отмечали новаторский подход А. И. Кузнецова и актуальность поднятой им темы.

Полностью соглашаясь с главной идеей автора о недопустимости отождествления общества и этноса, С. В. Чешко вместе с тем высказал некоторые замечания. В последнее время в связи с осмыслением сложных национально-политических проблем проявилась тенденция рассматривать этнос в системе жестких причинно-следственных связей с другими общественными структурами и факторами развития, прежде всего с экономикой, государственностью, территорией. При этом этнос понимается как универсально-интегрирующая форма организации человеческого сообщества, практически всех видов его деятельности. Подобные представления, фактически воспроизводящие старый лозунг национализма «один народ — одно государство», характерны не только для обыденного сознания и не только для идеологии национально-государственного суверенитета, доминирующей во многих общественно-политических движениях страны. Нередко они высказываются и учеными, сказал С. В. Чешко, в чем уже могли убедиться читатели «Советской этнографии» (см. статью Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана в № 4 за 1989 г.). Научные дискуссии о сущности этнического приобрели сегодня особую актуальность, остроту и даже политическую окраску. Совершенно неожиданно, но вполне закономерно возникает необходимость отстаивать весьма тривиальную мысль о том, что человечество представляет собой систему взаимодействующих общностей разных типов, развивающихся по собственным внутренним законам. Выстраивать эти общности в соответствии с какой-либо иерархией и ставить на ее вершине ту или иную общность (например, классовую или этническую) — значит извращать картину реального мира, идти в ловушку изжитого, казалось бы, науки одностороннего детерминизма (экономического, географического, а теперь и этнического). Поэтому статья А. И. Кузнецова, ставящая хорошо знакомые и многократно обсуждавшиеся вопросы теории, представляется и современной, и полезной.

В теории этноса действительно есть нечто, позволяющее подменять, по терминологии А. И. Кузнецова, признаки этноса условиями его формирования и существования. Нельзя, однако, согласиться, по мнению С. В. Чешко, с тем, что отождествление этноса и общества — это якобы характерное для отечественной науки явление. По большому счету в этнографической среде излишне доказывать, что этнос и общество — разные вещи. Важней вопрос о том, что такое этнос. Отвечая на него, А. И. Кузнецов утверждает, что в «реальной действительности мы видим не этнос, а КИО как совокупность связей, образующих множество систем, частностей» (с. 21). Трудно, однако, понять, почему профессиональный этнограф, сказал С. В. Чешко, не видит «в реальной действительности» этносов. Чересчур категорично автор статьи высказывается по вопросу о признаках этноса, причем фиксирует их (язык, культура, самосознание) весьма жестко. Автор имеет право считать три названных признака обязательными, но не следует утверждать, что это признается всеми. С культурой как признаком вообще ничего не получится, поскольку еще никто на практике (а не в теории) не смог четко отграничить этническую культуру от культуры этноса; о современной индустриальной культуре не приходится и говорить. Нельзя согласиться, продолжил С. В. Чешко, и с тем, что большинство ученых, как утверждает автор, включает в число признаков этноса территорию и т. п.

Для А. И. Кузнецова этничность — это личная характеристика индивида (особенно в классовом обществе). Индивиды, обладающие всеми тремя признаками, составляют этническую общность, и в силу этого она и является общностью. Если индивид утратил один из трех этнических признаков, то он, стало быть, перестает быть членом данной этнической общности. Откуда же берутся признаки? Этот вопрос может иметь только одно решение. Именно этническая общность делает индивида носителем этнических черт, а не наоборот. Человек является человеком потому, что он социален, т. е. принадлежит к коллективу ему подобных.

В заключение С. В. Чешко заметил, что этнос — часть всемирного общества, но не КИО, о которых пишет А. И. Кузнецов (автор, кстати, и сам отмечает, что этнические общности могут выходить за пределы КИО — с. 22).

В развитии, видимо, каждой обществоведческой науки, сказал В. И. Козлов, время от времени наступает состояние некоторого теоретического «застоя», когда, кажется, почти все фун-

даментальные или, как их называют, методологические положения, относящиеся к объекту и предмету этих наук, уже достаточно установились, основные явления обозначены соответствующими терминами, когда определены основные условия возникновения и существования таких явлений, а также основные факторы их изменений и т. п. Дальнейшее развитие теории в таких случаях обусловлено обычно либо появлением новых (или обнаружением «старых») фактов, не укладывающихся в установленные схемы научных рассуждений, либо возникновением новых взглядов на известные факты. Еще недавно казалось, что такое застойное состояние может наступить и в этнографии, но этого не произошло, главным образом благодаря усилиям Ю. В. Бромлея, который усердно препарировал понятие этноса, вводя новые термины для обозначения частных видов и состояний этноса, («этникос», ЭСО и др.), а также для видов этнических процессов, которые то соединялись им с процессами национальными, то отделялись от них. Однако проведенная недавно дискуссия по историческим типам этнических общностей (СЭ, 1986) показала, что состояние основного понятийно-терминологического аппарата в этнографии еще далеко от того, чтобы наводить, так сказать, глянec на частные определения. И мне представляется, подчеркнул В. И. Козлов, что мы должны быть благодарны А. И. Кузнецову, который побуждает нас посмотреть на сущность этноса (этнической общности) с новой точки зрения.

Уместно заметить, что общественные явления чрезвычайно сложны, и мы еще далеко не исчерпали возможные взгляды на них. По мнению В. И. Козлова, весьма плодотворно взглянуть на сущность этнических явлений с точки зрения прибывших на нашу Землю марсан, плохо знающих наш научный язык: интересно, в чем бы они усмотрели именно «этнические» признаки какой-то «общности» и насколько им помогли бы такие ставшие для нас привычными термины, как «нация» и «народность», «этнос» и «этникос» и т. д. Конечно, ученым без научной терминологии обойтись невозможно, но не следует забывать, что термины — всего лишь отдельные знаки какой-то сущности и не более того; в связи с этим сразу же вспоминается, заметил далее В. И. Козлов, как много внимания уделяли еще в недавнем прошлом специалисты по «научному коммунизму» термину «пролетариат», хотя, как оказалось, за ним уже довольно давно нет существенной реалии.

В своей статье и докладе А. И. Кузнецов исходит из факта существования конкретного исторического общества и конкретных, входящих в это общество людей, которые находятся в самых различных отношениях друг с другом, а затем предлагает вычленить у них этнические отношения, этническую общность. Такой подход в принципе не вызывает возражения, но он требует хотя бы предварительной договоренности о том, что мы понимаем под этническими отношениями, ибо, употребив этот термин, автор имеет в виду всего лишь существование знака для неизвестной пока сущности. Если он употребляет здесь же термин «производственные отношения» в смысле другого знака, то логически получает право утверждать, что «этнические отношения не возникают в процессе производства, не обуславливаются производственными отношениями», и далее — что типы этнических общностей не обязаны соответствовать общественно-экономическим формациям. Но опять-таки, даже если мы знаем, в чем сущность «производственных» отношений и в чем сущность общественно-экономических формаций, мы еще не очень приблизились к познанию того, в чем же сущность этнических общностей. Правда, А. И. Кузнецов говорит в дальнейшем о том, что «важнейшими этническими признаками личности являются этническое самосознание, язык и культура», а затем связывает эти признаки в определении этническое самосознание — «осознание человеком своей принадлежности к определенной общности людей, говорящих на одном с ним языке и имеющих общие с ним черты культуры» — однако этого явно недостаточно.

Размышляя о специфике этнического самосознания, о причинах его силы и устойчивости, В. И. Козлов приходит к выводу, что оно во многом аналогично чувству родства, будь то представление о родстве по происхождению («по крови») или по единству исторических судеб и общности характера (т. е. «по духу»). Идеи об этом были впервые изложены еще в 1968 г. Г. В. Шелеповым (СЭ. № 4), несколько расширены в совместной с В. И. Козловым статье о национальном характере (СЭ. 1973. № 2) и с тех пор учитывались в различных работах по теории этноса, но разрабатывались, как считает В. И. Козлов, недостаточно; существенным препятствием для этого являлся жупел «биологизации» этнических явлений. В настоящее время, кажется, имеются возможности для более основательной разработки этой концепции, могущей дать ответ на многие непонятные и даже парадоксальные события социальной истории, в том числе и на причины столь жестоких этнических конфликтов в Советском Союзе.

Н. Б. Тер-Акопян отметил, что доклад А. И. Кузнецова касается фундаментальных положений этнографической науки, содержит основанную на соответствующей аргументации авторскую интерпретацию этих положений, а также характеристики «этноса» и «этнических отношений». Подчеркивая специфику и независимость закономерностей этноса, А. И. Кузнецов подвергает сомнению распространенные в наших общественных науках взгляды, согласно которым смене социально-экономических формаций соответствуют структурные изменения этнической общности. Он признает наличие в истории лишь двух форм этнической общности: «племя» — присущее доклассовому обществу, и «народ» (этнос) — характерный для классовых обществ. Автор видит их различие в характере самосознания, «индивидуально-группового» — в первом случае и непосредственно «личностного» — во втором. Между тем самосознание соответствует глубокому структурному различию между этими обществами и совпадает с границами «больших формаций — «первичной» и «вторичной». Это соответствие, очевидно, свидетельствует о связи и даже о зависимости этнических отношений от социально-экономических, об обусловленности этнических изменений формационными. Классовым формациям и соответствующим этническим общностям свойственны сходные черты, для этнографической науки имеет значение выявление различий между этносами разных классовых формаций, оно позволяет вскрыть механизмы этнических изменений. В докладе А. И. Кузнецова личность уделяется большое внимание, она предстает здесь как мерило этнической общности.

Рассмотрение личности выступает как метод определения свойств этноса. Отметим в связи с этим, что личность является не только мерилом этноса, но и элементом, наиболее чувствительным к происходящим этническим процессам, и неплохо было бы рассмотреть ее роль и значение также и в этом аспекте.

С. И. Брук, согласившись с определением этнической общности, данным автором, высказал мысль о возможности включения «языка» в понятие «культура». Он подчеркнул, что такое понятие, как самосознание, непрерывно меняется даже за сравнительно короткое время, оно многоступенчато, иерархично — это нельзя не учитывать при выделении различных общностей. Самосознание возникает на основе общности языка и близости культуры различных групп населения. Понятие «народ» настолько широкое, что может относиться к любым типам общностей, в том числе и к племени. А. И. Кузнецов не коснулся основного вопроса — иерархии этнических общностей. Ведь главное для нас — как отличить основную этническую общность от ее подразделений или ее совокупностей. Какие для этого должны быть использованы критерии? Я не поддерживаю трехчленного деления этнических общностей (племя, народность, нация), заявил далее С. И. Брук, так как никто пока еще не привел убедительных доводов для их различения. В то же время деление их на племена и народы вряд ли продвигает нашу науку вперед. С. И. Брук также отметил, что многие положения статьи вызывают интерес. Так, целесообразно употреблять слово «народ», а не «нация» и «народность».

Подробный анализ статьи А. И. Кузнецова содержался в выступлении Ю. В. Бромлея. По его мнению, вопрос о выделении этнической общности решается А. И. Кузнецовым недостаточно корректно. Прежде всего определение этнической общности подменено определением этнических признаков личности. Однако эти признаки не первичны — они определяются свойствами общности, которые не тождественны простой сумме свойств составляющих ее личностей. Во-вторых, сказал Ю. В. Бромлей, автор утверждает, что он исходит из общепризнанного понимания этнических признаков личности, но апелляция к «общепризнанному пониманию» — это не очень убедительный аргумент. В-третьих, то определение, которое в данном случае приводится (самосознание, язык и культура), далеко не является общепризнанным, хотя бы потому, что есть понимание этнической общности как биологической популяции (Л. Н. Гумилев) или же в число этнических признаков включается психический склад и т. п. В-четвертых, используя при характеристике этнических общностей такое многозначное понятие, как «культура», следовало бы пояснить, что при этом имеется в виду. В тексте, считает Ю. В. Бромлей, культура противопоставлен язык. В итоге в статье, посвященной понятию «этническая общность», отсутствует ее определение. Автор, в частности, подчеркивает, что «общество и этническая общность... соотносятся как целое и часть» (с. 22). При этом под «обществом» он понимает социальный организм (точнее, с точки зрения Ю. В. Бромлея, говорить о социально-потестарном организме — СПО), имея в виду конкретные исторические общества. В связи с этим Ю. В. Бромлей отметил, что в тех случаях, когда все население СПО (КИО) целиком или почти целиком относится к одному этнику, практически оказывается, что этот этникос или его часть имеет свою территорию, именуемую этнической, обслуживающую почти исключительно его экономику и политическую надстройку. Совершенно ясно, как полагает Ю. В. Бромлей, что в этом случае перед нами симбиоз этнических, с одной стороны, социально-экономических и территориально-политических функций — с другой. В таких ЭСПО (этносоциально-потестарных общностях) статус основного этникоса почти всегда выше положения его «осколков» (этнических групп) за его пределами. Не случайно компактные этносы, как правило, стремятся получить «свой» СПО. Весьма существенно и то, что на разных стадиях своего развития ЭСПО изменяют не только социально-экономические, но и собственно этнические параметры.

А. И. Кузнецов утверждает, что в первобытных КИО этническое и социальное было едино. Это действительно так, продолжил Ю. В. Бромлей, но данному обстоятельству отнюдь не противоречит тот факт, что нередко «осколки» того или иного племени находились за его пределами (например, в качестве пленных). Иначе говоря, этническая общность уже в первобытном обществе полностью не совпадает с КИО. Между тем при возникновении этносов в раннеклассовых обществах, как правило, СПО и формирующаяся в его рамках этническая общность совпадают.

Главное различие между выделяемыми А. И. Кузнецовым двумя историческими типами этнических общностей (племенами и этносами, по его терминологии) он ищет в сфере самосознания: в племени этническое самосознание имеет индивидуально-групповой характер, в классовом же обществе «каждый отдельный член этноса соотносит себя с этносом... прямо». Однако, по мнению Ю. В. Бромлея, и в классовых обществах свою этническую идентификацию человек осуществляет, как правило, путем соотношения себя с этнической принадлежностью своей семьи (прежде всего родителей). Иначе говоря, принципиальной разницы нет. Основное различие между двумя выделяемыми автором типами этнических общностей в том, продолжил Ю. В. Бромлей, что один из них существует в доклассовом, другой в классовом обществе, но классовое общество не остается неизменным, прежде всего в результате динамики социально-экономических параметров общества, смены их типов. А это не могло не сказаться на свойствах этнических общностей. Но главное в другом: и в классовом обществе этническое и социальное отнюдь не разобщены в рамках одного СПО (КИО). Особенно наглядно это проявляется при «разделенных» этнических общностях. Например, несмотря на этническую однородность, ЭСПО имеет в КНР совсем иную экономическую общность, социальную структуру и политическую надстройку, чем на Тайване.

Выступивший далее И. А. Кры в е л е в сказал, что в статье А. И. Кузнецова импонирует то, что автор, если он правильно его понял, исходит в своем анализе из «личности» и основывает определяемые им этнографические понятия именно из такого конкретного «явления», как личность, а не из различного рода обществоведческих и этнографических абстракций. Что же касается раскрытия тех признаков, которыми характеризуется само понятие личности, то здесь есть некоторые вопросы, которые следует обсудить.

Автор приводит общепринятое, по его мнению, положение о том, что «этническими признаками являются этническое самосознание, язык и культура» (с. 22) и по существу присоединяется к нему. Нет никаких сомнений в том, что этническое самосознание и язык являются этническими признаками личности. Что же касается «культур», то это понятие само по себе представляется до крайней степени «туманным» и неконкретным. А уж как определитель в этнической характеристике вообще лишено смысла.

Как полагает И. А. Крывелев, для этой характеристики вполне достаточно таких признаков, как язык и этническое самосознание. С его точки зрения, в общественных науках с понятийным аппаратом нужно обращаться следующим образом. Нет никакой надобности закреплять за теми или иными понятиями «железное» содержание, в каком-то и оперировать ими. При таком обращении с понятиями на каждое из них накладывается определенный ярлык, можно сказать, вывеска, требующая того, чтобы это понятие употреблялось только в одном значении. А это нередко порождает недоразумения, ибо участники обсуждения могут «нечаянно» отступать от принятой закрепленной трактовки обсуждаемого понятия, и тогда, считая, что они по существу говорят одно и то же, окажется что имеют в виду разное. И. А. Крывелеву представляется более целесообразным и плодотворным другой путь — «свободное» обращение с понятиями. Это значит, что инициатор обсуждения, выдвигая соответствующую проблему, формулирует понятие, которое он предлагает положить в основу обсуждения, и раскрывает содержание этого понятия так, как сам его трактует. Участники обсуждения тоже должны исходить из этой трактовки, не подменяя ее своими или «общепринятыми». Другое дело, если предлагаемое понятие сконструировано логически неправильно, в этом случае задача участников обсуждения — раскрыть эту неправильность и предложить автору понятия либо снять его с обсуждения, либо внести в него требуемые логикой исправления.

А. И. Кузнецов в своей статье, четко раскрыв содержание понятия «этническое самосознание», не уделил достаточного внимания понятию «язык». И не ясно, идет ли в данном случае речь о том, что обычно именуется «родным языком», или надо как-нибудь по-другому толковать этот термин и как именно?

Комментируя статью А. И. Кузнецова, С. Я. Козлов подчеркнул, что она представляет собой заметный вклад в разработку теории этноса, мимо которого трудно будет пройти тем, кто занимается данной проблематикой. Нельзя не оценить осуществленное автором исследование понятия «этническая общность» на основе строго безупречного логического анализа (примеч логика формальная неразрывна у него с логикой диалектической); последовательное отграничение существенных признаков данного явления от характеристик, выражающих условия его возникновения и функционирования; его решительные (вполне обоснованные) возражения против отождествления или какого-либо смешения понятий «общество» и «этническая общность».

Далее С. Я. Козлов отметил некоторые упущения автора. В частности, в связи с мыслью автора, что человечество существует не как совокупность этносов (с. 21), он возражает: «А разве это не так? И как совокупность этносов. Но это, конечно, лишь один „срез“ (этнический) многообразного существования человечества». Как полагает С. Я. Козлов, лучше было бы сказать, что «общество и этническая общность, так же как личность и ее этническая принадлежность, соотносятся не «как целое и часть» (с. 22), что может быть понято как механистический подход, а как целое и одно из его проявлений. Вместо «совокупности» всех общностей, которые составляют племя как социальный организм, точнее было бы сказать «единство». Вряд ли можно выстроить в какую-то иерархическую систему общности, составляющие конкретно-историческое общество. С. Я. Козлов не согласен с автором в том, что этническое самосознание появляется первым при возникновении новой этнической общности: формирование этнического самосознания — процесс одновременный со сложением самой этнической общности (культуры, языка и т. д.). Не ясно, по мнению С. Я. Козлова, как совместить утверждение автора, что «человек, утративший... родной язык, не включается в ЭО» и «этническое самосознание — признак, необходимый и достаточный для отличия этнической принадлежности человека» (с. 24). Этнос как тип ЭО, считает С. Я. Козлов, имеет свою историю. Почему бы не выделять какие-то *этапы развития этноса*, называя их народностью, нацией и т. п.? Ведь это же факт, что содержание всех основных существенных признаков этноса различно в различные *исторические эпохи*. В нашей теоретической работе такая градация вполне возможна, даже необходима, как необходимо *убрать из политического словаря* противопоставление «народность» — «нация» как менее и более развитого типов ЭО. Для современной эпохи приемлемо только одно наименование: народ или, как синоним, нация (будь то тофалары или китайцы).

Среди довольно большого потока публикаций и устных выступлений по теории этноса работы А. И. Кузнецова (кроме названной статьи см. *его же*. Понятие «этническая общность» в советской науке последнего десятилетия // IX МКАЭН. Докл. сов. делегации. М., 1973) лично меня, отметила Ю. В. Иванова, привлекают по нескольким причинам. Главный тезис А. И. Кузнецова, с которым надо согласиться, — отсутствие жесткой связи между этнической общностью и социально-экономической формацией. Такую жесткую привязку предлагали некоторые специалисты, среди них наиболее четко эту мысль высказали С. А. Токарев (Вопр. философии. 1964. № 11) и В. И. Козлов (Исследования по общей этнографии. М., 1979). Они (как и некоторые другие) видят в этносе прежде всего социальную общность, пронизанную целым набором внутренних связей, в том числе и не в последнюю очередь экономическими, а также более расширительно — политическими, классовыми. В таком подходе отождествляется этническая общность и общество, стоящее на конкретной стадии социально-экономического развития. Против подобной позиции и выступает А. И. Кузнецов.

Необходимость развести понятия собственно этноса и социально-экономической общности ощущалась теми, кто занимался теорией этноса. Наиболее пристальное внимание этой проблеме уделил Ю. В. Бромлей (СЭ. 1972. № 5), введя понятия этникоса и этносоциального организма (ЭСО):

именно ЭСО сопряжен с определенной социально-экономической формацией в каждый данный момент истории.

А. И. Кузнецов пошел дальше. Он предлагает ввести понятие «конкретная историческая общность» (КИО), исходя из реальной жизненной ситуации: ни одно социальное образование на протяжении человеческой истории позднее родолеменного строя не было «этнически чистым». Этот тезис важен не только в научной полемике по теории этноса, о чем достаточно убедительно говорит сам А. И. Кузнецов (с. 26—27). Его разъяснение и широкая пропаганда необходимы сейчас, в сложный момент межэтнических отношений в мире, в том числе и в нашей стране. Из смещения понятий «этнос» и КИО проистекают многие трагические ситуации, стремления создать насильственным путем «этнически чистые» политические образования: таковы движения в республиках СССР и СФРЮ, политика бывшего руководства Болгарии «очищения» этнического состава населения страны. Это же смещение понятий порождает, по глубокому убеждению Ю. В. Ивановой, неудачи, которые постигают те или иные попытки выйти из кризиса: нельзя основывать распределение материальных и социальных благ на принципе этнической принадлежности граждан страны.

Второй тезис, который поддерживает Ю. В. Иванова, — различие двух исторических стадий — этногенеза и этнической истории (с. 24—27). Этническая история, по мнению А. И. Кузнецова, — это существование сформировавшегося этноса (а также возможное его исчезновение); среди условий существования этноса, конечно же, не последнее место занимают внутренние экономические связи. А. И. Кузнецов справедливо утверждает, что эти (и другие) условия нельзя считать признаками этноса. Указанные процессы прекрасно охарактеризованы Н. Г. Волковой (СЭ. 1985. № 5. С. 20, 22); стадийная граница формирования этнической общности (этногенеза) — возникновение этнического самосознания; далее следует жизнь уже сложившегося этноса, т. е. этническая история.

Ю. В. Иванова уточнила, что язык, культура и самосознание не остаются постоянными на протяжении всего времени существования этноса: они сами по себе категории исторические. Это последнее замечание вполне соответствует третьему тезису А. И. Кузнецова, всецело поддерживаемому Ю. В. Ивановой: историчности каждого рассматриваемого явления (с. 23).

В заключение Ю. В. Иванова высказала несколько возражений.

1. Автор называет иллюзией представление о том, что человечество — это совокупность этносов (с. 21). Вероятно, все зависит от той или иной характеристики человечества в целом, от выбора классифицируемых явлений: в каком-то смысле можно сказать, что человечество — совокупность этносов, как в другом варианте — совокупность больших и малых рас, в ином — совокупность языковых семей и т. п.

2. Этническое самосознание не наследуется ребенком в силу просто рождения в данной среде, как утверждает автор, а усваивается им так же, как язык и культура.

3. Ю. В. Иванова предлагает более основательно подчеркнуть историческую динамику, в которой неизменно находятся признаки этноса, выделяемые автором как главные: утрата языка не всегда ведет к исключению из этноса, т. е. потере этнического самосознания (с. 24).

4. Хотя термины «народ» и «этнос» по сути синонимы, в специальной литературе следует отказаться от употребления термина «народ», так как в бытовом обиходе он несет множество различных значений, и его употребление в этнографической литературе может только запутать читателя. Поэтому представляется целесообразным оставить в профессиональном языке термин «этнос». От таксономической единицы «народность» надо отказаться, как и предлагает автор обсуждаемой статьи.

В ответном слове А. И. Кузнецов отметил, что, к сожалению, высказывания оппонентов касались главным образом признаков этнической общности и критики положений, не всегда достаточно раскрытых в статье из-за недостатка места. Мало внимания было уделено обоснованию основных посылок статьи о соотношении понятий: «общество» и «этническая общность», условия и признаки, явления и процесс, историческое и логическое. Одной из основных задач статьи и было, исходя из этих посылок, доказать неправомочность выделения таких понятий, как «народность» и «нация». Не менее важная цель — определить понятие «этническая общность» только существенными признаками, каковыми, с точки зрения автора статьи, являются общность этнического самосознания, языка и культуры. В статье говорится, что этническое самосознание, язык и культура суть общепризнанные признаки личности и этнической общности (с этим не согласны Ю. В. Бромлей, С. В. Чешко). Вряд ли мои оппоненты, сказал А. И. Кузнецов, будут настаивать на том, что территориальные или экономические связи объединяют людей в этническую общность. Скорее экономические связи способствуют объединению людей различных национальностей, а в наше время и людей различных стран. То же относится и к территориальным связям. Разделенные государственной границей и никоим образом не связанные экономической общностью таджики, туркмены и азербайджанцы продолжают оставаться одним народом, отделяемым от других языком, культурой и этническим самосознанием. А живущие рядом на общей территории люди разных национальностей не становятся в результате экономических связей одной этнической общностью. Не все выступавшие были согласны с тем, что культуру можно считать признаком этноса (С. В. Чешко, И. А. Крывелев). В связи с этим А. И. Кузнецов задал вопрос: чем вообще занимается традиционная этнография? Разве, например, яранга не является одним из элементов материальной культуры чукчей, разве это жилище не отличает их, скажем, от ненцев? Разве «Манас» не составная часть духовной культуры киргизов, отличающая их, например, от казахов? Из того, что, как писал С. А. Токарев, «культурная общность важна для этнического единства... в большей мере на ранних стадиях развития, чем поздних», не следует, что она не является признаком этнической общности, если, конечно, не понимать под этнической общностью только ее современное состояние.

По поводу критики относительно того, что в статье «культуре противопоставлен язык» (Ю. В. Бромлей), и предложения включить язык в понятие «культура» (С. И. Брук) А. И. Кузнецов заметил следующее. Входит ли язык в культуру или нет — вопрос не новый. Но, по его мнению, нужно различать язык как средство общения и язык как инструмент, с помощью которого создается, а также устно и письменно выражается духовная культура. В этом смысле язык можно сравнить с руками, которые создают предметы материальной культуры. Можно ли относить руки к культуре? Язык как признак этнической общности — это средство общения, объединения.

С. И. Брук отметил, что в статье не затронут вопрос об иерархии этнических общностей. Для меня, сказал А. И. Кузнецов, в обсуждаемой статье главное было в вычлениении этнической общности из всех других общностей людей, составляющих человеческое общество, и выделении ее типов, а также и в отграничении этнической общности как целого от отдельных ее частей — этнографических групп; иерархичность для меня на этом и кончается. С. И. Брук имел в виду, очевидно, такие совокупности, как этнолингвистические общности. Но этнолингвистические общности должны, по мнению докладчика, относиться к таким общностям, как лингвистические, конфессиональные, этноконфессиональные.

По поводу замечания С. В. Чешко о том, «почему профессиональный этнограф не видит в реальной действительности этносов», А. И. Кузнецов сказал: стоит ли говорить, что в реальной действительности существуют лишь отдельные люди, и «человек» — всего лишь абстрактное понятие. В реальной действительности мы видим *человека* прежде всего как *личность* (в единстве всех его свойств) и лишь потом, проанализировав его этнические характеристики, мы узнаем, что перед нами русский, шотландец или человек другой национальности. В реальной действительности мы видим совокупности личностей, которые проявляют свою этническую принадлежность (национальность) только тогда, когда в этом появляется необходимость. В других случаях они проявляют себя как представители класса, партии, религиозной общины и т. п.

По мнению С. В. Чешко, для отечественной науки не характерно отождествлять этнос и общество. Действительно, отметил А. И. Кузнецов, вряд ли кто-либо из этнографов будет утверждать, что этнос и общество тождественны. Больше того, все будут настаивать на том, что это, безусловно, «разные вещи». Однако если этнограф согласен с выделением таких типов этнической общности, как «народность», «нация» (и ЭСО), к признакам которых относят общность территории и экономики, разве это не есть отождествление этнической общности и общества? С той только разницей, что делается это неосознанно, неявно. Никто, конечно, сознательно не отождествляет общество и этническую общность. Это проявляется в смешении «условий» и «признаков», «процесса» и «результата процесса», что в конечном итоге и приводит к отождествлению указанных понятий: не избежали, по мнению А. И. Кузнецова, этого и его оппоненты. Например, Н. Б. Тер-Акопян утверждает, что «классовым формациям и соответствующим этническим общностям (надо полагать, народностям и нациям. — А. К.) свойственны сходные черты» (сходными для этнических общностей и формаций могут быть только территория, экономика и т. п., т. е. не этнические черты. — А. К.). С. Я. Козлов предлагает выделять этапы развития этноса, обосновывая это тем, что «содержание всех основных существенных признаков этноса различно в различные исторические эпохи». Главное для этноса — это единство, общность этнического самосознания, языка и культуры, а не меняющееся содержание этих понятий. Культура и язык любого народа изменяются, но этническую общность составляют люди, говорящие на одном языке и имеющие общие элементы культуры. Язык и культура, скажем, русских изменяли свое содержание, но при этом они всегда оставались русским языком и русской культурой. Современные греки не говорят на древнегреческом, он (его «содержание») изменился в новогреческий. Греков объединяет не содержание языка, а общий для всех них в данный момент язык. Поэтому можно выявить различия между состоянием, например, русского языка и русской культуры в различные периоды русской истории, можно выявить различия между обществами, созданными русскими в периоды феодализма и капитализма, но не между «этносоми различных классовых формаций» (как предлагает Н. Б. Тер-Акопян), под которыми понимается в данном случае русская «народность» и русская «нация».

Особое внимание выступавших было уделено личности и ее соотношению с обществом, причем высказывались полярные суждения (И. А. Крывелев, Н. Б. Тер-Акопян, Ю. В. Бромлей, С. В. Чешко). Отвечая на них, А. И. Кузнецов сказал, что он не хотел подчеркивать значение ни личности, ни этнической общности. В статье речь идет о методике, о логических законах, которыми нужно руководствоваться в своих рассуждениях: класс и его составляющие должны иметь одни и те же признаки; объединяя какие-либо объекты по определенным признакам, мы получаем и определенную общность. Объединяя эти же объекты по другим признакам, получим другую общность и т. д. В приведенных выше высказываниях оппонентов «этническая общность» употребляется в двух смыслах: абстрактно-логическом и конкретно-предметном. Да, именно конкретная этническая общность в лице прежде всего родителей индивида делает его носителем и создателем материальной и духовной культуры, языка и этнического самосознания, делает его элементом той общности, которую в логике обозначают множеством или классом и которая обладает теми же признаками, что и отдельный ее элемент — индивид: «Все, что утверждается относительно всех предметов класса, утверждается и относительно каждого предмета» (Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 168). Нет этнической общности без людей, но эти люди должны обладать такими же признаками, как и сама этническая общность. Такова логика, которая позволяет нам сделать вывод о том, что если у элемента множества (человека) нет каких-либо признаков, то их нет и у самого множества (этнической общности), т. е. этнической общности не присущи такие признаки, как общность территории, экономики, которыми наделяются «народности», «нации», ЭСО.

Далее А. И. Кузнецов отметил, что он понимает соотношение «общества» и «этнической общности» как целого и части не «механистично» (С. Я. Козлов), о чем свидетельствует хотя бы следующее положение его статьи: «Этническая общность — одно из проявлений общества, одна из его характеристик, одна из его сторон. А этническая принадлежность члена общества — одно из свойств, признаков личности» (с. 24). Следует подчеркнуть, продолжил А. И. Кузнецов, что в классовую эпоху любое государство как социальный организм включает в свой состав в качестве членов общества людей других национальностей, которые, являясь членами данного конкретно-исторического общества, будучи связанными со всеми другими членами этого общества, в то же время принадлежат к иной этнической общности, представители которой могут составлять большинство населения другого государства. Если рассматривать не конкретное историческое общество, а человечество в целом, то можно говорить, что «этнос — часть всемирного общества» (С. В. Чешко) и что человечество существует «и как совокупность этносов» (Ю. В. Иванова, С. Я. Козлов). Но и в этом случае правомерно говорить, что человеческое общество в целом и этнические общности соотносятся как целое и части. Но только здесь часть — это весь народ, а в конкретное общество весь народ во многих случаях не входит.

На вопрос, как можно совместить следующие суждения (С. Я. Козлов): «Этническое самосознание — признак, необходимый и достаточный для отличия этнической принадлежности человека...» и «Человек, утративший... родной язык, не включается в ЭО...» — А. И. Кузнецов ответил, что эти высказывания совмещаются, если воспринимать их полностью. Они звучат так: «Этническое самосознание — признак, необходимый и достаточный для отличия этнической принадлежности человека от его принадлежности к расовой, профессиональной, конфессиональной, партийной и другим общностям людей и в то же время для отграничения одной этнической общности от другой» и «Человек, утративший, допустим, родной язык, не включается в ЭО, а относится к лицам, находящимся в процессе ассимиляции, в переходном состоянии» (с. 24). А. И. Кузнецов счел необходимым уточнить: последний тезис нельзя понимать так, что утрата языка ведет к исключению из этноса, «т. е. потере этнического самосознания» (Ю. В. Иванова). Человек, утративший родной язык, безусловно, входит в этнос, но в ту его часть, которая находится в процессе ассимиляции. Об этом совершенно определенно говорится в статье: «...в каждый конкретный исторический период можно выделить собственно этнические общности..., а также части народов, находящиеся в процессе ассимиляции» (с. 30).

Ю. В. Бромлей высказал суждение, что при выделении автором статьи двух типов этнической общности суть не в самосознании. Основное различие между двумя типами этнической общности (по мнению Ю. В. Бромлея) в том, что один из них существует в доклассовом, другой в классовом обществе, но классовое общество не остается неизменным; а это не могло не сказаться на свойствах этнической общности. Из этого следует, как отметил А. И. Кузнецов, что свойства этнической общности зависят от классовых формаций, следовательно, правомерно выделять для них такие типы, как «народность» и «нация»; однако выделяемые в статье «племя» и «этнос» суть видовые понятия «этнической общности», и критерием их выделения, основанием деления родового понятия должны быть этнические признаки. В связи с аргументацией Ю. В. Бромлея А. И. Кузнецов привел слова И. А. Кривелева о том, как следует обращаться в общественных науках с понятиями и понятийным аппаратом: «...инициатор обсуждения, выдвигая соответствующую проблему, сам формулирует понятие, которое он предлагает положить в основу обсуждения, и раскрывает содержание этого понятия так, как он сам его трактует. Участники обсуждения тоже должны исходить из этой трактовки, не подменяя ее своими или „общепринятыми“». В задаче статьи, сказал далее ее автор, не входил (да и объем не позволил бы) анализ теоретических выкладок об этносе Ю. В. Бромлея, Л. Н. Гумилева и других авторов, отмечу лишь, что в ряду таких человеческих общностей, как расовая, этническая и социальная (конкретное общество), нет места такому понятию, как ЭСО, так как нет безнациональных, безэтнических обществ, так же как нет в СССР отдельных ЭСО русских, татар и других народов, а есть полиэтничный социальный организм в рамках Советского Союза.

По словам Ю. В. Бромлея, «в статье, посвященной понятию „этническая общность“, отсутствует ее определение». Так ли это, сказал А. И. Кузнецов, легко убедиться, если внимательно прочитать, что: «Этническая общность — это определенные отношения, в которые вступают между собой личности. Этническая общность — одно из проявлений общества, одна из его характеристик, одна из его сторон. А этническая принадлежность члена общества — одно из свойств, признаков личности» (с. 21), «признаками этнической общности будут общность этнического самосознания, языка и культуры входящих в данную этническую общность людей» (с. 22), «для выделения этнической общности необходимыми и достаточными признаками являются этническое самосознание, язык и культура. Следовательно, этническую общность можно определить как общность людей, говорящих на одном языке, имеющих общие черты культуры и единое этническое самосознание» (с. 23). Таким образом, признаками, по которым мы можем отличить этническую общность от любой другой общности — системы КИО будут по степени важности соответственно этническое самосознание, язык и культура. Сложившаяся этническая общность характеризуется однозначностью этнических признаков (самосознания, языка и общих черт культуры). «Процесс же возникновения этнической общности — многоступенчатый этническим самосознанием, наличием наряду с формирующимся единым языком и общими чертами культуры нескольких диалектов или языков и культур, присущих различным этническим компонентам, участвующим в образовании новой этнической общности» (с. 28).